

Людвиг Витгенштейн

ЛЕКЦИИ И РАЗГОВОРЫ ОБ ЭСТЕТИКЕ, ПСИХОЛОГИИ И РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЕ

Перевод с английского
В. В. Прозерского

От переводчика

Предлагаемый перевод лекций по эстетике Людвиг Витгенштейна (1889–1951) сделан с записей учеников английского философа, изданных в 1966 г. Сами же лекции были прочитаны в летний семестр 1938 г. Конспективность изложения, фрагментарность, неизбежная при записи со слуха, тем не менее не мешают увидеть здесь все особенности того периода деятельности Витгенштейна, когда он вплотную занялся созданием принципов лингвистической философии.

Прежде всего Витгенштейн стремится предупредить возможную ошибку истолкования прилагательных «доброе» и «прекрасное» как обозначения неких свойств предметов. В данном случае, считает он, мы имеем дело с типичной языковой ловушкой. Назвав что-либо прекрасным, мы начинаем искать качество красоты в самом предмете, хотя его там нет и быть не может, так как эстетические термины употребляются с целью выразить эмоциональное состояние говорящего и передать его адресату высказывания. Слова «красивый», «изящный», «прелестный», «величественный», «помпезный» и т. п. ничего не означают в реальности, это псевдопонятия, своего рода лингвистические жесты, а потому они могут приравниваться к жестам в собственном смысле. В контексте эстетического общения слова, возгласы, движения рук, глаз, мышц лица эквивалентны.

Эстетические суждения и оценки Витгенштейн рассматривает как особого рода игру (наряду с искусством-игрой) в контексте языковых игр, присущих той или иной культуре. Именно культура — «большая игра» — содержит в себе мотивировки для разнообразных художественных игр и суждений о них — игр на языке эстетических терминов. Чтобы понять смысл эстетических высказываний, надо смотреть, какие действия они сопровождают или вызывают.

В. В. Прозерский,
кандидат философских наук

Предмет эстетики очень обширный и, насколько я вижу, понят совершенно неверно. Употребление такого слова, как «красивый», — если вы посмотрите на лингвистическую форму предложений, где оно встречается, — может быть неверно понято гораздо легче, чем употребление других слов. «Красивый» и «хороший» по синтаксической форме являются прилагательными, отсюда может появиться желание сказать: «То, что красиво, имеет некое качество красоты».

Мы продвигаемся от одной проблемы философии к другой, от одной группы слов к другой.

Разумный способ подразделения книги по философии был бы в распределении материала по частям речи, типам употребляемых слов. В таком случае вы нашли бы гораздо больше частей речи, чем это зафиксировано в обычной грамматике. Можно было бы часами говорить о глаголах «смотрю», «чувствую» и т. д., описывающих индивидуальный опыт. Путаница, связанная с употреблением этих слов, — особого рода. Другого рода неразбериха возникает при употреблении числительных. В главе об употреблении слов «все», «некоторые» (any, some) рассматривался бы другой тип путаницы. Местоимения «я», «вы» дают новый тип. Еще один тип — при употреблении слов «прекрасный» (красивый — beautiful) и «хороший» (good). Здесь мы попадаем в сети целой группы запутанных значений. Язык проделывает с нами новые трюки.

Я часто сравнивал язык с ящиком для инструментов, где лежат молоток, стамеска, спички, гвозди, болты, клей. То, что они были положены вместе, не случайно, притом что между различными инструментами есть существенная разница: они употребляются в схожих ситуациях, хотя ничто так не различается, как клей и стамеска. Мы не устаем удивляться новым трюкам, которые разыгрывает с нами язык, когда мы попадаем на новое языковое поле.

Обсуждая значение слова, всегда необходимо сделать одну вещь: поинтересоваться, как мы научились его употреблению. Сделав это, мы, с одной стороны, преодолеем ряд непониманий, а с другой стороны, получим первобытный язык (primitive language), в котором функционирует это слово. Хотя это не тот язык, на котором вы говорите, когда вам двадцать лет, вы получаете грубое

представление о том, какая языковая игра должна начаться. Например, как мы научились говорить: «Я мечтал о том-то и о том-то»? Тут интересный момент в том, что нам никто не мог показать предмет, называемый мечтой (dream). Если вы спросите себя: как ребенок узнаёт значение слов «красивый», «изящный» (fine) и т. д., вы убедитесь, что в общих чертах он понимает их как восклицания. <...> При обучении чрезвычайно важно использовать экспрессивные жесты и выразительную мимику. Слово понимается как заменитель выражения лица или жеста. Жесты, интонации голоса и т. п. в этом случае являются выражениями одобрения. Что делает слово возгласом одобрения? Не форма слова, а игра, в которой участвует это слово. (Если бы мне надо было сказать, что является главной ошибкой философов нынешнего поколения, включая Мура, я бы сказал, что их взгляд на язык сосредоточивается на словесных формах, а не на способах употребления этих словесных форм.) Язык представляет собой неотъемлемую часть многих форм деятельности: разговора, письма, поездки в автобусе, встречи с людьми и т. д. Мы сосредоточиваемся не на словах «хороший» или «красивый», которые сами по себе безличны — просто субъект и предикат («это — красиво»), но на случаях их употребления: на невероятно сложной ситуации, включающей эстетическое высказывание, причем само высказывание занимает в ней ничтожно малое место.

38 Если вы попадете в незнакомое племя, чей язык вам неизвестен, что вы будете делать, желая узнать, какие слова этого языка соответствуют нашим «хорошо», «прекрасно»? На что вы будете смотреть? Вы будете смотреть на улыбки, жесты, пищу, игрушки. Но если вы окажетесь на Марсе, где обитатели представляют собой шары с торчащими из них антеннами, вам будет непонятно, на что смотреть. <...>

Для нашего языка характерно, что большое количество слов, употребляемых в этих обстоятельствах, является прилагательными: «изящный», «милый» и т. п. Но это совсем не обязательно должно быть так. Вы видели, что первоначально их использовали как восклицания. Что изменилось бы, когда вместо того, чтобы сказать: «Какой милый», я сказал бы: «Ах!» и улыбнулся или погладил

живот? В границах первобытных языков проблемы с тем, что означают такие слова, как «красивый» или «хороший», или что им соответствует в реальности, не возникает.

Замечательно, что в жизни, когда мы выносим эстетические суждения, такие прилагательные, как «красивый», «изящный» и т. д., почти не играют никакой роли. Применяются ли эстетические прилагательные в музыкальной критике? Говорят: «Посмотрите, какая нестройная эта модуляция». Или: «Этот пассаж бессвязный». В литературной критике: «Его образность очень точная». И использованные здесь слова гораздо ближе к таким, как «правильно», «верно» (употребляемым в обыденной речи), чем к таким, как «красиво», «прелестно».

Такие слова, как «мило», первоначально употреблялись как возгласы. Позже их применяли в очень незначительном количестве случаев. О некотором музыкальном отрывке мы можем сказать, что он мил, но это не оценка его, а придание ему характера. (Множество людей, не умеющих точно выражать свои мысли, используют это слово очень часто, но как восклицание.) Я мог бы спросить: «Для какой мелодии я скорей бы всего выбрал слово «прелестная»? Я мог бы колебаться, как назвать мелодию — «прелестной» или «юной». Тупо называть музыкальный отрывок «Весенняя мелодия» или «Весенняя симфония». Но слово «весенний» совсем не абсурдно, во всяком случае, не более чем «величественный» или «помпезный».

<...> Такие понятия, обозначаемые словами «помпезный» или «величественный», могут быть выражены с помощью мимики. Различное выражение лица создает более подвижные и разнообразные дескрипции, чем это можно было бы сделать с помощью прилагательных. Если я называю отрывок из Шуберта меланхолическим, это подобно тому, как если бы я придал ему определенное выражение лица. (Я не выражаю одобрения или неодобрения.) Я мог бы даже вместо слов использовать жесты или танцевальные фигуры. Действительно, если мы хотим быть точны, мы обращаемся к жестам и выражениям лица.

<...> Что говорит человек, знающий, что такое хороший костюм, когда примеривает его у портного? «Длина выбрана правильно»,

«здесь коротко», «здесь узко». Слова одобрения не играют никакой роли, хотя заказчик выглядит довольным, когда костюм ему идет. Вместо того чтобы говорить: «Здесь коротко», я мог бы сказать: «Посмотрите сюда», вместо того чтобы говорить: «Правильно», я мог бы сказать: «Оставьте, как есть». Как я выражу свое одобрение? Главным образом тем, что я буду часто носить костюм, любоваться им и т. д. <...>

<...> Слова, относящиеся к эстетическому суждению, играют очень сложную и специфическую роль в культуре каждого исторического периода. Чтобы объяснить их значение, а также того, что носит название воспитанного вкуса, вы должны дать описание всей культуры. То, что сейчас считается хорошим вкусом, вероятно, не существовало в средние века. В различные эпохи играют совершенно другие игры.

К языковой игре принадлежит вся культура. В описание музыкального вкуса определенного времени необходимо включить такие обстоятельства, как: дают ли концерты дети, участвуют ли в них женщины или одни мужчины и т. д., и т. п. Например, в аристократических кругах Вены господствовал определенный вкус, затем он распространился в буржуазной среде, женщины стали принимать участие в хоровом пении. Это один из примеров традиции в музыке.

<...> Мне хотелось бы поговорить о том, что можно понимать под эстетикой как наукой. Вы могли бы подумать, что эстетика — это наука, говорящая о том, что является красивым. <...> Я думаю, что в таком случае она должна включать также и положения о том, какой сорт кофе наиболее приятен на вкус.

В общих чертах я полагаю, что существует некая сфера высказывания удовольствия, когда вы пробуете вкусную пиццу или вдыхаете ароматный запах. Кроме того, есть сфера искусства, которая совершенно отлична от вышеназванной, хотя, когда вы слышите музыку, у вас на лице появляется такое же выражение, как и при дегустировании вкусной пиццы (хотя над тем, что вы очень любите в музыке, вы можете даже плакать).

<...> Предположим, что строим дом с окнами и дверьми определенных пропорций. Выражается ли наше предпочтение таких

пропорций в том, что мы говорим о них? Обязательно ли предпочтение должно быть высказано в словах? А может быть так: когда дети плохо нарисуют окна, мы их накажем? Или: когда кто-нибудь построит дом, который нам не нравится, мы отказываемся в нем жить или просто убегаем от него? <...>

Часто говорят, что эстетика — ветвь психологии. Идея в том, что если мы продвинемся в этой сфере, тогда всё — все тайны искусства — будет открыто в психологических опытах. Подобная идея исключительно глупа.

Вопросы эстетики не имеют ничего общего с психологическими опытами. Ответы на них надо искать на совершенно иных путях.

<...> Люди все еще думают, что психология когда-нибудь объяснит все эстетические суждения. Они имеют в виду экспериментальную психологию. Это очень смешно. По-видимому, нет никакой связи между тем, чем занимается психология, и суждением о художественном произведении. Стоило бы рассмотреть, что мы понимаем под объяснением эстетического суждения.

Допустим, мы обнаружили, что все наши суждения происходят из работы нашего мозга. В мозгу мы нашли особого качества механизм, сформулировали общие законы и т. д. Стало возможно показать, что определенная последовательность знаков вызывает специфическую реакцию, заставляет человека улыбаться и говорить: «О, как чудесно!» <...> Такое ли объяснение нам нужно, когда мы разгадываем суть эстетического впечатления, т. е. когда встает вопрос: «Почему я получил такое специфическое впечатление от этих тактов музыки?»

<...> Объяснение загадки эстетического впечатления находится не на путях открытия психологической причины произнесения эстетического суждения. Это совсем не то, что подразумевается под экспериментальным исследованием в эстетике.

Последнее связано с различием между причиной и мотивом. В суде вас спрашивают о мотиве вашего поступка. Имеется в виду, что вы его знаете. Если вы не лжете, вы должны быть способны сказать о мотиве своего действия. Но при этом не предполагается, что вы знаете законы, которые управляют вашим телом и умом.

<...> Найти основание (reason) — значит дать оправдание, а не описание того, что мы сделали: например, когда меня спросили, почему я дал такой ответ, я показал процесс, приведший меня к нему.

<...> Предположим, Тейлор и я идем вдоль реки. Вдруг Тейлор протягивает руку и сталкивает меня в воду. Когда затем я спрашиваю его, зачем он это сделал, он говорит: «Я указывал вам что-то вдали». А психоаналитик мотив его поступка объяснит так: «У него была скрытая ненависть к вам»... Итак, мы имеем два объяснения одного факта: 1) один из гуляющих подсознательно ненавидит другого; 2) один собеседник указывает другому на что-то вдали.

Оба объяснения могут быть правильными. Когда мы можем признать истинным объяснение Тейлора? Тогда, когда выясним, что он ни разу не высказывал недружественных чувств... И при этом психоаналитик тоже может быть прав. Здесь присутствуют два мотива: сознательный и бессознательный. Оба мотива вовлечены в разные игры. Поэтому объяснения могут быть противоречивы, но оба верны.

<...> Загадки эстетики — это загадки о том, какой эффект производят на нас произведения искусства. Парадигмой науки является механика. Поэтому когда представляют, какой должна быть научная психология, идеалом кажется механика души. Если мы постараемся найти, что же реально этому соответствует, мы найдем параллель между физическими и психологическими экспериментами. Существуют законы физики и — если вы хотите быть вежливы к психологии — психологические законы. Но в физике очень много законов, а в психологии едва ли найдется хоть один. Так что говорить о механике души довольно смечно.